

*Павло, моему
литературному покровителю*

Глава 1

Апрель. Весна

Когда что-то начинается и заканчивается? Круги на воде от камня, брошенного в пруд... начинаются ли они с гладкого окатыша, привлекающего взгляд, с желания взвесить его на ладони, запустить над водой... Заканчивается ли это с последней крошечной волной, набегающей на дальний берег?

Я отрываю взгляд от плотного коричневого конверта у меня в руках. Адвокат по фамилии Гатри смотрит на меня, и в его взгляде я читаю оценку, которую он приберегает для таких новостей: ошеломительные, зубодробительные новости. В окне за его головой розовая пена вишневых соцветий оттеняет вид на вершины горной гряды Лайонс на фоне лазурного неба. Толстый шмель ритмично бьется о стекло. Я слышу приглушенный шум уличного движения на Лонсдейле. Автомобильный гудок. Мужской крик. Автофургон подает сигналы, разворачиваясь на выезд. Жизнь продолжается. Все идет, как обычно.

Но нет.

Семьдесят два часа назад я находилась с Трэм на Бали, в предсвадебном путешествии, которое мы обещали друг другу, когда обручились. Звонок прозвучал, когда мы лежали обнаженные под мягкой белой сеткой, свисавшей с бамбукового потолка. Моя

сестра и шурина погибли во время домашнего пожара. Как их единственная живая родственница я стала опекуницей их восьмилетней дочери. Мы с Трэм вернулись домой первым же рейсом.

Теперь, сидя перед юристом в офисе Северного Ванкувера, я наконец понимаю, почему иногда испытываю странное беспокойство, когда смотрю в глаза моей племяннице.

Потому что это *его* глаза.

Его кровь течет в ее венах. Его ДНК. Та самая ДНК, которую использовали для его осуждения...

Все мои телесные реакции требуют опровергнуть эти новости и оттолкнуть папку назад по лакированной крышке деревянного стола. Но речь идет о Куинн, о моей маленькой темноволосой загадочной племяннице. Я была здесь, когда София и Питер принесли ее домой, всю в младенческих морщинках, сопящих всхлипах и восхитительных зевках, какие можно видеть у новорожденных. Воспоминания затопляют мой разум: мне восемнадцать лет, и я получаю на руки плотно спеленутый сверток. Мне впервые доверили держать на руках крошечное человеческое существо, и чувство ответственности было ошеломительным. У меня защипало в глазах. Я помню плотную ткань одеяла, кисловато-сладкий запах молока, угольно-черные волосы, мягкие, как шелковая пряжа, у меня под ладонью, когда я гладила крошечную головку.

Никогда не забуду улыбку на лице моей сестры в тот самый день. И на следующий день. Куинн была нашей. Никаких задних мыслей о ее биологических родителях. Только мы. Только будущее в новой большой семье.

Другое воспоминание вытесняет первое: иссиня-черные волосы, те же волосы у меня под ладо-

ню... поцелуй, усыпляющий меня... те же сине-фиолетовые глаза, обрамленные невероятно густыми ресницами... Мое сердце громко стучит в груди.

— Почему? — хрипло спрашиваю я. Шмель монотонно бьется в оконное стекло. Меня распирает от сдерживаемых чувств.

Гатри наклоняется вперед с выражением расчетливого сострадания. Он говорит умиротворяющим, медовым тоном, и во мне вспыхивает искра негодования. Я понимаю, что мой гнев направлен не по адресу, однако раздражение владеет мной, наполняет грудную клетку, стучит в горле и проникает в голову.

— Вы ближайшая родственница Куинн, мисс Салонен. Ваша сестра полагала...

— Я имела в виду, *почему* они удочерили ее. Почему... — Я ловлю себя на слове, паника и жестокая реальность бичуют меня. — Господи, прошу прощения. Я неправильно выразилась. — Я делаю медленный, глубокий вдох. — Но... есть ли возможность, что произошла ошибка?

— Никакой ошибки. Он ее биологический отец. Все документы находятся здесь. — Гатри кивает в сторону коричневого конверта, который я держу в руках. — Это была прямая договоренность. Биологическая мать согласилась на удочерение, прежде чем стороны обратились в агентство, которое занялось оформлением документов. Отцовские права биологического отца были отвергнуты при решении об удочерении ввиду его судимости. В подобных делах такое нередко случается.

— Значит, он не знает? Он не имеет понятия, куда отправился его ребенок?

— Нет, ему не было сказано, где разместили ребенка.

Я пытаюсь сглотнуть комок в горле. Моя кожа в огне. Мрачные воспоминания проникают мне в голову, как чернильные щупальца в стоячую воду, кружась и заслоняя настоящее, размывая мои планы на будущее вместе с Трэем. Мы все так старались похоронить прошлое, и весь город помогал нам. Но иногда все, что можно сделать — это заштукатурить бетон, потому что внизу остаются щели, ожидающие лишь слабого землетрясения, чтобы снова раскрыть свои черные пасти и проглотить вас. Прямо как сейчас.

Меня снова отвлекает шмель, продолжающий биться мохнатой башкой об стекло. Почему он пытается попасть внутрь, когда снаружи цветы и свобода?

— Почему она не сказала мне? — шепчу я, глядя на шмеля.

Гатри молчит, поскольку это очевидно. Мне было восемнадцать лет, и я была безнадежно, безрассудно, дико влюблена в Джебедию Каллена, когда это случилось. Так или иначе, я любила Джеба с детства — сначала как доброго и нежного друга, но потом все осложнилось. Наши отношения приобрели глубину и сексуальность. Я всегда поддерживала Джеба. Он показал мне новый взгляд на мир. Несмотря на нашу ссору, которая той ночью привела к ряду ужасных событий, я всей душой хотела провести с ним остаток своих дней. Сексуальное посягательство, вспышка насилия, младенец, предательство — все это порвало мою жизнь в клочья, вынуло душу из моего тела. Я утратила чувство цели и направления, что разрушило мою карьеру в лыжных гонках и уничтожило надежды на второе олимпийское золото. Эти надежды принадлежали не только мне; это были совместные мечты всей небольшой общины Сноу-Крик. Я была

их Золотой Девочкой — Рэйчел Салонен, которая выросла в этой долине и училась кататься на беговых лыжах, которые мой дед собственноручно изготовил с помощью топора и цепной пилы на склоне Медвежьей горы еще до моего рождения.

Потом наступила холодная осенняя ночь, когда пропали две девушки. Эми Финдли и Мэрили Цуканова, мои одноклассницы. Эми была обнаружена истерзанной и беременной от Джеба. С тех пор прошло девять лет, а Мэрили по-прежнему числится пропавшей без вести.

А теперь мне нужно заботиться о Куинн — о живом, дышащем воплощении предательства Джеба в ту ночь, полную насилия. Мне нужно забрать эту темноволосую девочку с необычными глазами цвета индиго к себе домой в Сноу-Крик, где все произошло. Дочь изменника, которого я когда-то так сильно любила.

Он с другой стороны реки, Рэйчел. Он полукровка, воспитанный ирландским пьяницей и местной индейской женщиной... Тебе нужно как следует подумать, Рэйчел... Он причинит тебе боль, Рэйчел...

— Мисс Салонен?

Мой взгляд обращается к юристу.

— Есть кто-то, кому я мог бы позвонить? — тихо спрашивает Гатри. — Человек, который мог бы посидеть с вами? Возможно...

— Со мной все в порядке. — Я выпрямляю спину. — Просто... — Меня внезапно корежит от душевной боли. — Понимаете, все дело в Софии. Ее сердце всегда истекало кровью, она всегда пыталась спасти этот проклятый, кровавый мир. Вы знали, что она консультировала Эми по вопросам посттравматического синдрома? Так она познакомилась с Эми,

когда обе жили в Сноу-Крик. Полицейские вызвали Софию, когда нашли Эми в полубессознательном состоянии, пока она блуждала по лесным тропам. Ее родители — ревностные католики. Они и слышать не хотели о прерывании беременности, поэтому София и Питер... — У меня ломается голос. Я делаю паузу, чтобы собраться с силами, и более спокойно продолжаю: — Они годами старались завести ребенка. Теперь я понимаю, что все это должно было произойти. София и Питер вмешались и предложили удочерить ее. Они получили ребенка, который сам был маленькой жертвой, и дали Эми второй шанс.

У меня что-то рвется в груди. Мне уже больно за Софию, и это боль, как от раны, открытой соленому ветру. Осознание того, что моя сестра больше никогда не появится на другом конце телефонной линии, готовая помочь спокойным и мудрым советом. Она была наставницей и материнской фигурой для меня. Всегда такая уравновешенная, и вот ее нет. Моего отца тоже нет. А Куинн? Теперь она одна во всем мире, у нее есть только я. Тихая, но тошнотворная паника поднимается изнутри. Мне двадцать семь лет, но я не готова быть матерью; я не знаю, как это делается.

— Моя сестра имела слишком большое сердце для собственного блага, — шепчу я, пока лезу в свою соломенную пляжную сумочку из рафии за влажными салфетками. Адвокат встает, наливает воду в стакан и протягивает мне.

— Спасибо. — Я крепко держу бокал; не хочу, чтобы он видел мою дрожь. Я делаю глубокий глоток, и в этот момент в моей сумочке чирикает мобильный телефон. Я игнорирую его. Я знаю, что это СМС от Трэя, где он говорит, что нашел парковку и будет ждать меня внизу на площади.

Я думаю о нем, стоящие под весенним солнцем под раскидистой магнолией на фоне сверкающей воды в бухте Буррард за его спиной. Как он отнесется к этому. Он не имеет понятия о том, что я вынесу из этого здания. Я надежно ставлю стакан на стол и сморкаюсь в салфетку.

— Мне нужно что-то подписать? — спрашиваю я.

— Только вот это. — Гатри посылает по столу несколько документов. — Ваши копии завещания, свидетельство об удочерении, медицинская информация о биологических родителях — все в одной папке. — Он делает паузу. — Как я понимаю, ваша племянница находится на попечении соседа в двух домах от жилища вашей сестры, и она встречалась с детским психологом.

Я киваю и снова сморкаюсь в салфетку.

— Мы уже видели ее. Мы первыми были на месте.

Образы изогнутых, обугленных руин встают перед моим мысленным взором. Черные скелеты балок на фоне голубого неба. Желтая полицейская лента, трепещущая на ветру перед рододендронами Софии. Вишнево-красные соцветия, любимый цвет Софии... Ее весенний сад воспрянул к жизни, когда садовницы не стало.

Пожар случился после того, как Куинн ушла в школу. Сосед на другой стороне улицы первым увидел дым и вызвал аварийные службы. По словам командира пожарной бригады и полицейских, наиболее вероятной причиной взрыва было повреждение местного газопровода. Пожар был коротким и яростным; ему поспособствовал взрыв цистерны с пропаном. Она была объята пламенем, когда пожарные прибыли на место происшествия. Там было слишком жарко, поэтому они отступили, сдерживали распространение

огня и толпу зевак. Все, что находилось в доме, было сожжено.

Тело Софии было обнаружено в ее кабинете, примыкавшем к дому, где она задохнулась от дыма. Питера нашли под балкой перед ее кабинетом. Первоначальное предположение состояло в том, что Питер попытался спасти свою жену, когда на него рухнула горящая потолочная балка.

Мне сказали, что пройдут недели или даже месяцы, прежде чем совместное расследование Королевской конной полиции Канады и пожарного управления определит точную причину пожара и смерти супругов.

Я подписываю документы и поднимаюсь на ноги. Теперь, в возрасте двадцати семи лет, я несу юридическую ответственность за восьмилетнюю девочку. Мы с Трэм отвезем ее домой в Сноу-Крик, в нескольких часах езды к северу от Прибрежных гор. Вес принятого решения внезапно оказывается сокрушительным. Мне нужно разобраться, в какой комнате поселить девочку. Мне нужно купить ей одежду и другие вещи первой необходимости еще до нашей поездки. Плюс чемодан, чтобы уложить все это. Мне нужно будет устроить Куинн в начальную школу Сноу-Крик и организовать какой-то уход за ней после школы, потому что газетный бизнес, доставшийся мне от отца четыре месяца назад, поглощает все мое время и силы и все пойдет прахом, если я не обеспечу какую-то финансовую поддержку.

Мои колени неожиданно подгибаются. Мне хочется сесть. Но если я не могу с этим справиться, то как справится Куинн? Девочка потеряла своих родителей и все, что она имела. Ее скоро вырвут из единственной жизни, которую она знала. Мне нужно быть сильной ради моей племянницы. Ради моей

сестры. Я должна защитить этого ребенка, и не имеет значения, с чем меня сталкивает жизнь.

Я разглаживаю сумочку. На мне до сих пор та же самая футболка, которую Трэй купил мне на оживленном рынке в Кате, среди лабиринта ларьков и прилавков, и я даже чую слабый запах кокосового масла на коже. Я закидываю сумочку на плечо, беру папку, благодарю адвоката и направляюсь к двери, но замираю на месте, пораженная внезапной мыслью.

Я поворачиваюсь к Гатри и говорю:

— «Проект Невинности» при университете Британской Колумбии до сих пор борется за отмену его приговора.

— Да, они пять лет трудятся над этим: кто знает, может быть, что-нибудь и получится.

— Что, если он выйдет на свободу?

— Так или иначе, он никуда не выйдет, Рейчел. Независимо от того, отменят ли его приговор, он выйдет только после того, как отсидит свой срок.

Я гляжу на адвоката.

— Но у него нет никаких прав на Куинн. Вы говорили об этом.

— Верно.

— И он не знает о ней. Я просто хочу убедиться, что он не знает, что Куинн Маклин является его дочерью.

— Джебедея Каллен знает лишь то, что Эми Финдли родила ребенка от него и что этого ребенка передали под опеку. У него нет законных возможностей для получения другой информации. А ваша сестра в ее завещании ясно дала понять: она не хочет, чтобы девочка знала, кто ее отец.

Тем не менее меня охватывает леденящее, недоброе предчувствие.